

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ПОДВИГ РУССКОГО НАРОДА В НАЧАЛЕ XVII СТОЛЕТИЯ*

В. И. Корецкий

4. Первое ополчение

Гибель Лжедмитрия II внесла некоторые коррективы в политическое положение. Теперь можно было сконцентрировать силы против Сигизмунда III, не опасаясь удара в спину со стороны «вора». Король лишился удобного предлога для осады Смоленска и продвижения в глубь России. Те из русских людей, кто признал в свое время Владислава, выступили против него. Вновь оживились сношения между русскими городами. В Ярославле посадские люди по собственной инициативе отказали интервентам «в кормах». Страстный призыв к вооруженному восстанию против интервентов прозвучал в Москве. В столице примерно в конце 1610 — начале 1611 г. появилось подметное письмо, в котором анонимный автор нарисовал мрачную картину порабощения русских людей и призвал их с оружием в руках выступить против польских оккупантов и бояр-изменников. «Душепагубныя волки (то есть интервенты. — В. К.), — писал он, — хотят нас конечно погубити и под меч подклонити, и подрукия наша и отроды в работу и в холопы поработити, и прижитие (имущество. — В. К.) наше пограбити, горше же всего и жалостнее, — святую нашу непорочную веру в конец искоренити и свою отпадшую учинити, и сами в нашем достоянии жити». Высоко оценив подвиг мужественных защитников Смоленска, автор обращается к москвичам с пламенными словами: «Паки молю вы (вас. — В. К.) с великими слезами и сокрушенным сердцем: не нерадите о себе и о всех нас! Мужайтесь и вооружайтесь и совет между собою чините, како бы нам от тех врагов своих избыти! Время, время пришло, во время дело подвиг показати... аще не ныне умрем, всяко умрем... Что стали? Что оплошали? Чего ожидаете и врагов на себя попускаете и злomu кореню и зедлю даете в землю вкоренитися?..»¹

Почин организации освободительной борьбы на сей раз принадлежал южному, прежде всего рязанскому, дворянству. Признанным вождем его был рязанский воевода Прокопий Ляпунов, обладавший умом, энергией, организаторским талантом, но крайне нетерпеливый и склонный к крутым, деспотическим мерам. Эти отрицательные черты его характера пагубно сказались впоследствии на судьбе Первого ополчения. Когда П. Ляпунов возглавил это вновь пробудившееся освободительное движение, то патриарх Гермоген поддержал его начинание. Серьезное воздействие на изменение позиции Гермогена оказало глубокое возмущение широких слоев русского населения наглыми действиями интервентов. Перемене во взглядах патриарха способствовала и смерть самозванца. До этого он опасался, что открытое выступление против польских пришельцев может усилить Лжедмитрия II, все более и более опиравшегося на казачество. Вскоре после получения известия о гибели самозванца патриарх призвал население к сопротивлению интервентам. По-видимому, вначале речь шла о мирной защите православной веры, попорченной иноземными захватчиками. Но когда Гермоген отказался от предложения М. Г. Салтыкова утихомирить П. Ляпунова, его двор был распущен, а сам он взят под стражу. Тайно, через лазутчиков, Гермоген продолжал, однако, сноситься с городами. У него не раз бывали бесстрашные ходоки из Ниж-

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1969, № 5.

¹ «Русская историческая библиотека» (РИБ). Т. 13. СПб., 1909, стб. 200, 209—210.

него Новгорода Родион Мосеев и Роман Пахомов. По мере развертывания движения проповедь патриарха приобретала все более активный характер. Поляки перехватили патриархии грамоты и привлекли Гермогена к ответу. По свидетельству гетмана Жолкевского, Гермоген не отрицал своих сношений с П. Ляпуновым. К сожалению, до сих пор не было известно ни одного послания Гермогена, относящегося ко времени организации Первого ополчения. В составе «Бельского летописца» удалось обнаружить послание Гермогена, написанное незадолго до его смерти, когда ополченцы уже стояли под Москвой. Это послание посвящено в основном религиозным вопросам. Но в самом его начале Гермоген призывал бояр, воевод и служилых людей «отринуть от себя женскую немощь и воспринять мужескую храбрость и стояти противу врагов божьих и наших губителей крепко».

Намереваясь подавить освободительное движение в зародыше, польские военачальники послали на Рязанщину запорожских казаков, с которыми был русский изменник Исаак Сунбулов. Запорожцы осадили П. Ляпунова в Пронске. Его выручил зарайский воевода князь Д. М. Пожарский, собравшийся с «коломничаны и с резанщи». Как и П. Ляпунов, Д. Пожарский участвовал в создании Первого ополчения. Главные силы этого ополчения формировались на юге. Еще в начале 1611 г. П. Ляпунов послал в Калугу и Тулу своего племянника Федора и других уполномоченных, чтобы переманить на свою сторону дворянское воинство Трубещкого и казаков Заручьего. Нужно было собрать ополчение и обезопасить его тыл. Договорились сосредоточить ополченцев в двух городах: в Серпухове, куда съезжались служилые люди и казаки из Калуги, Тулы и северских городов, и в Коломне, сюда сходились с Рязанщины. Одновременно П. Ляпунов призвал примкнуть к ополчению служилых людей из Астрахани, а также волжских и «запольских» казаков. Приглашал он к себе беглых крестьян и холопов, обещая им свободу: «А которые боярские люди крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумнения и боязни, всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам»².

Одним из первых поддержал движение Нижний Новгород, куда весной 1611 г. П. Ляпунов направил делегацию в составе стряпчего И. И. Биркина, дьяка С. Пустошкина и дворян. Другим центром формирования северных и поволжских сил стал Ярославль. К движению присоединились Муром, Суздаль, Кострома, Владимир. По своему составу эти рати напоминали ополчения 1608—1609 гг. и состояли из стрельцов, служилых казаков, горожан и «даточных людей», набравшихся из волостных и помещичьих крестьян. По боевым качествам выделялись остатки войска Скопина. Казаки приказа Т. Шарова, в прошлом одного из сподвижников И. И. Болотникова, теперь направлялись освобождать Москву от интервентов. Опыт освободительной борьбы против тушинцев в 1608—1609 гг. не пропал даром. Отряды из городов выступили к Москве с поразительной быстротой. 8 февраля 1611 г. пошли к столице нижегородцы, в конце февраля — ярославцы, а 3 марта из Коломны двинулись основные силы П. Ляпунова с «нарядом» (артиллерией) и гуляй-городами. Д. М. Пожарский вел передовую полк.

В Москве с начала 1611 г. зрело народное восстание против интервентов. Глухое сопротивление москвичей перерастало в партизанские вылазки. А. Гонсевский впоследствии выговаривал русским послам: «Люди ваши московские что над нашими людьми делали? Везде наших замая на посад, в Деревянный город и в иные тесные места или позвав на честь, давили и побивали, а пьяных извошки, примая на сани, давили и в воду сажали»³. Зато Гонсевский ничего не сказал о поведении интервентов, вызывавшем народный гнев. О том, как вели себя захватчики, можно судить по жалобе москвичей от 25 января 1611 г., поданной тому же Гонсевскому. По словам челобитчиков, «польские солдаты всячески притесняют их, насильничают, глумятся над их богослужением, бесчестят их святых, стреляя в них из ружей, бьют их соотечественников и сильно бесчинствуют в их домах». Обращалось также внимание на расхищение интервентами царской казны и обнищание народа: «Каждый месяц

² «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук» (ААЭ). Т. II. СПб. 1836, № 188.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М. 1961, стр. 47.

уходят большие деньги на 6 000 солдат, а избранный царь Владислав все равно не приезжает»⁴. Гонсевский, чтобы как-то успокоить москвичей, приказал даже казнить одного шляхтича, который в пьяном виде несколько раз выстрелил в икону богородицы у Сретенских ворот. Одновременно интервенты усилили охрану и начали обыскивать все въезжавшие в город повозки в поисках оружия. В Москве открыто называли Сигизмунда III старой собакой, а Владислава — щенком, которому лучше не появляться в Русском государстве. Незванным пришельцам ничего не хотели продавать. В их адрес раздавались угрозы. Обстановка с каждым днем все более накалялась.

Когда было получено известие о движении к Москве ополчения, восстание стало в порядок дня. В городе собирались крестьяне из окрестных сел и деревень. Тайно проникали в столицу и отдельные ополченцы. Обеспокоенные интервенты начали готовить кровавую расправу. Они хотели приурочить ее к 17 марта — «вербному воскресенью», когда шествие патриарха «на осляти» в Кремль должно было привлечь множество народа. Интервенты стояли на чеку в полном вооружении, но москвичи, опасаясь подвоха, на традиционные торжества не собрались. М. Г. Саятынов в сердцах выговаривал полякам за упущенный, с его точки зрения, благоприятный момент: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они во вторник будут бить»⁵.

Стихийный взрыв народного возмущения произошел 19 марта. Волнение возникло на торгу, где поляки приневоливали русских помогать им таскать пушки на стены Китай-города. Те ответили отказом. Вспыхнула распря, поднялся шум. По свидетельству Маскевича, повод к волнению подали сами поляки. Стоявшие на Красной площади в боевом строю войска интервентов врезались в толпу и учинили страшное побоище. Особенно бесчинствовали немецкие наемники. В Китай-городе было вырезано до 7 тыс. москвичей. Избиение жителей Москвы сопровождалось повальным грабежом. Интервенты громили лавки, врываются в дома, тащили все, что попадалось под руку. Разгромив Китай-город, они пошли в Белый город, но натолкнулись здесь на упорное сопротивление. Русские имели возможность подготовиться к защите. Улицы были забаррикадированы. В интервентов стреляли из-за укрытий, из окон, с крыш и заборов. Над городом гудел набат. На помощь сражавшимся москвичам поспешил Д. М. Пожарский. С небольшим конным отрядом он въехал в столицу. Соединившись на Сретенке с пушкарями, которые проживали здесь, он отбил наступление поляков и «втоптал» их назад в Китай-город. У Яузских ворот напор поляков отражали воеводы И. М. Бутурлин, в Замоскворечье — И. Колтовский. На Сретенке у церкви Введения богородицы Пожарский соорудил острожек и поставил орудия. О том, как действовали пушки Пожарского, читаем у того же Маскевича: «Жестоко поражали нас из пушек со всех сторон. По тесноте улиц мы разделились на четыре или на шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: огня! огня! жги дома!»⁶.

Поляки подожгли город. В тесноте охваченных огнем московских улиц, по словам Жолкевского, «происходило великое убийство: плач, крик женщин и детей представляли нечто, подобное дню страшного суда; многие из них с женами и детьми сами бросились в огонь, и много было убитых и погоревших...»⁷. Посланному от П. Ляпунова воеводе И. В. Плещееву не удалось пройти в город: путь преградил подошедший из Можайска польский полковник Струсь. В горящей Москве русские не могли долго обороняться и побежали навстречу подходившему к столице ополчению. До конца держались лишь возглавлявшиеся Д. М. Пожарским отряды, которые успешно отбивали попытки поляков зажечь ту часть города у Сретенки, где они стояли. В этом бою Пожарский был тяжело ранен. Тогда его отправили в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда — в суздальскую вотчину, село Мугреево. Москвичи, видя, что последние очаги сопротивления восставших (за исключением Симонова монастыря) подавлены, начали массами покидать столицу. По словам летописца, наблюдавшего этот скорбный исход, «с Москвы до самые Яузы не видеху снегу, все идаху людие»⁸.

⁴ К. Буссов. Московская хроника. 1584—1613. М.-Л. 1961, стр. 181.

⁵ С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. IV. М. 1960, стр. 634.

⁶ Н. Устрялов. Сказания современников о Димитрии самозванце. Ч. II. СПб. 1859, стр. 61—62.

⁷ «Записки гетмана Жолкевского о московской войне». СПб. 1871, стр. 122.

⁸ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. XIV. М. 1965, стр. 109.

Огромный, богатый и многолюдный город в три дня был обращен интервентами в пепелище. Гетман Жолкевский засвидетельствовал, что «столица московская сгорела с великим кровопролитием и убытком, который и оценить нельзя. Изобилен и богат был этот город, занимавший обширное пространство; бывавшие в чужих краях говорят, что ни Рим, ни Париж, ни Лиссабон величиною окружности своей не могут равняться сему городу. Кремль остался совершенно цел, но Китай-город во время такого смятения негодьями... разграблен был и расхищен; не пощадили даже и храмов: церковь св. Троицы, бывшая у москвитян в величайшем почитании (собор Василия Блаженного.— В. К.)... также была ободрана и ограблена негодьями»⁹.

После чудовищной резни и пожара в столице интервенты еще одержат отдельные победы, возьмут обезлюдевший Смоленск, но дни их пребывания в Москве уже сочтены. Весть о гибели столицы разнесется по стране, вселяя в сердца русских людей ненависть к захватчикам, зовя на борьбу. Подошедшим к столице 21 марта передовым отрядам ополчения открылась страшная картина. Натиск польских отрядов, искавших победы в открытом поле, натолкнулся на гуляй-города и захлебнулся. Интервенты оказались запертыми в Кремле, Китай-городе и Белом городе. Ополчение заняло остатки Земляного города и 1 апреля вышло к стенам Белого города. Ляпунов с рязанцами расположился у Яузских ворот, отряды ополченцев из других городов — от Покровских ворот до Трубы и далее, а между ними вклинились полки Трубецкого и Заруцкого, разбившие свои «таборы» на Воронцовом поле. В начале апреля ополченцы штурмом взяли большую часть Белого города, а в июле овладели им полностью. В мае развернулись бои с Я. Сапегой. От Поклонной горы, где он разбил свой стан, Сапега двинулся к Лужникам. После неоднократных попыток атаковать Сапега отступил. Поняв, что победить ополченцев ему не удастся, он отправился в район Переяславля-Залесского собирать продовольствие для осажденного кремлевского гарнизона.

Классовая неоднородность Первого ополчения, наличие в нем не только дворян, но и казаков, среди которых было много беглых крестьян и холопов, порождали глубокие раздоры. Начальники отдельных отрядов сами раздавали поместья. При них имелись как бы полковые Поместные и Разрядные приказы. Они сами собирали «кормы», отправляя на места своих людей. Такие посылки за кормами оборачивались зачастую грабежами и своеволиями. Предстояло создать временное правительство, определить его программу, объединить разрозненные отряды в одно целое. Активная роль в объединительных попытках принадлежала П. Ляпунову. В своей организаторской деятельности он хотел опереться на «Совет всей земли», который мыслил как полномочный дворянский орган. Ляпунов упомянул о нем еще в грамоте от 4 марта 1611 года. Впоследствии, когда он уже стоял под Москвой, ссылки на решение дел по «Совету всей земли» в его грамотах стали постоянными. Но «Совет всей земли», на который ссылался Ляпунов, не только не представлял «всей земли» (в нем не было посадских представителей), но и даже всего ополчения. Казачий круг рати Трубецкого и Заруцкого жил своей жизнью. Временное правительство «троеначальников» (Ляпунов, Трубецкой, Заруцкий) было образовано лишь в мае 1611 года. Тогда же был принят «приговор», согласно которому дворяне и дети боярские из городов должны были явиться на военную службу под Москву до 29 мая 1611 года. В противном случае у них отписывались поместья. В мае, очевидно, произошло и слияние «воинского» совета Ляпунова с казачьим кругом Трубецкого и Заруцкого. Но и после этого ни о каком подлинном единстве говорить не приходится: «троеначальники» тянули в разные стороны. Заруцкий потакал казачьим своеволиям; захватил многие города и волости, с которых собирал доходы на себя. П. Ляпунов проявлял диктаторские замашки, вел себя вызывающе высокомерно. По словам летописца, он «не по своей мере вознесся и гордость взя. Много убо отецким детям позору и бесчестья делаше, не токмо боярским детям, но и самим бояром. Приходяху бо к нему на поклонение и стояху у него у избы многое время, никакова человека к себе не пушаше и многокоризными словесами многих поношаше, х казаком жесточь имеше. За то же на него бысть ненависть великая»¹⁰.

⁹ «Записки гетмана Жолкевского о московской войне», стр. 123—124.

¹⁰ ПСРЛ. Т. XIV, стр. 112.

Видя несогласие воевод, дворяне по совету с казачьей верхушкой проявили важную инициативу. Они составили коллективное челобитье, в котором изложили свои требования. Прежде всего челобитчики предлагали упорядочить поземельные отношения, организовать раздачу земель «бедным, разоренным, беспоместным и малопоместным». Интересовала их и судьба холопов, определенных ныне в казаки. Взаимные упреки относительно службы в Тушино или в Москве должны были быть прекращены. Их предложение ликвидировать чересчур большие земельные владения, превышавшие обычные боярские оклады, было направлено прежде всего против Трубецкого и Заруцкого, нахватавших себе земель. Поэтому воеводы по-разному отнеслись к этому челобитью: П. Ляпунов поддержал дворянскую инициативу, а Трубецкому и Заруцкому челобитье, по словам летописца, «не любо бысть». Присоединяясь к челобитчикам и в какой-то мере признавая свои ошибки, Ляпунов вел дело к тому, чтобы усилить свое влияние и единым махом разрешить раздражавшие ополчение противоречия.

Это коллективное челобитье дворян и казачьей верхушки послужило основой для приговора 30 июня 1611 г., составленного от имени «Московского государства разных земель царевичей, бояр, окольных, дворян и детей боярских, атаманов и казаков» и имевшего ясно выраженную крепостническую направленность. Верховная власть в ополчении и во всей стране должна была принадлежать «Совету всей земли», сформированному из представителей дворян и казачьей верхушки. Все важнейшие дела решались с «земского и всей земли приговору». Без него боярам нельзя было никого из служивых людей ни казнить, ни сослать. Бояре и воеводы подчинялись этому совету и могли быть смещены в любой момент, если окажутся почему-либо не на высоте положения. Для приговора характерны неприянь и недоверие к боярам. Запятнавшие себя изменой, московские бояре в глазах дворянства поставили под сомнение все боярство, с которым у него издавна имелись серьезные внутриклассовые противоречия.

Организовывалась центральная администрация. Многие одинаковые полковые приказы сливались в единые общеполченческие. Для борьбы с «разбоями», под которыми понимались также и антифеодальные выступления крестьян и холопов, создавались Разбойный и Земский приказы. Специально стоваривалось, что Поместный приказ должен возглавлять «дворянин из больших дворян». В духе дворянского челобитья решался вопрос об упорядочении поземельных отношений. За образец брались традиционные московские оклады, установленные при «прирожденных московских государях», последним из которых был царь Василий Шуйский. Ориентироваться следовало на те оклады и дачи, которые давались Шуйским за «московское осадное сидение». Вообще в приговоре заметно преобладание дворян, служивших при Шуйском и участвовавших в борьбе с Лжедмитрием II. Они были настроены враждебно к казакам, видя в них своих вчерашних противников.

В приговоре 30 июня 1611 г. была предпринята попытка разделить казачество и противопоставить одних казаков другим. Из общей казачьей массы выделялась группа «старых казаков» — тех, кто был зачислен на государеву службу издавна. Им предоставлялась возможность либо верстаться поместьями, либо претендовать на получение жалованья. Они должны были встать на феодальный путь, приблизиться к дворянству, а частично и влиться в его ряды. Казачье большинство из беглых крестьян и холопов попало в разряд «молодых». С ними не очень считались и даже не называли в приговоре «казаками». Они шли уже под общим наименованием — «холопы боярские или какие люди ни буди», которые должны быть возвращены в их прежнее крепостное состояние. Все обещания Ляпунова о воле для беглых были забыты. Беглых крестьян и холопов, «которые живут по городом по посадам», надлежало отдавать прежним господам. «Молодые» казаки правильно расценили это крепостническое предписание как угрозу для себя. Антиказацкая направленность приговора ярко сказалась в запрещении казакам занимать какие-либо должности на местах. По свидетельству В. Н. Татищева, при Лжедмитрии II «паки казаков из холопов и крестьян намножилось, и в каждом городе поделали своих атаманов»¹¹. Теперь вся местная администрация переходила опять в руки дворян, а казаки, как «молодые», так и «старые», попадали под их начало.

¹¹ В. Н. Татищев. История Российская. Т. VI. М.-Л. 1966, стр. 320.

При решении крестьянского и поземельного вопросов составители исходили из законодательства и практики В. Шуйского. Образцом им служило Уложение 9 марта 1607 г., провозгласившее реставрацию крепостнических отношений. Сыску и возвращению владельцу подлежали не только беглые, но и вывезенные помещиками друг у друга крестьяне. Предполагалось восстановить крепостническую документацию, погибшую во время московского пожара 1611 г. и других событий того времени. Правда, о пятнадцатилетнем сроке сыска беглых и вывезенных крестьян в приговоре не упоминалось, а несколько туманно говорилось о возврате старым господам тех крестьян и холопов, которые были вывезены или бежали «в нынешнее смутное время и в разоренье».

Поворот на крепостнический путь был очень резким. Однако, принимая приговор 30 июня 1611 г., П. Ляпунов и его дворянское окружение не учитывали реального соотношения сил в ополчении. У казаков, недовольных крепостнической и антиказацкой направленностью приговора, появилась мысль убить Ляпунова, которого они считали инициатором этого документа. Отношения между ним и казаками накалились еще более после того, как один из его приверженцев, Матвей Плещеев, учинил самосуд над двадцатью восемью казаками, «посадив» их в воду. Опасаясь казачьей расправы, Ляпунов пытался бежать в Рязань, но его уговорили остаться. Страсти достигли наивысшего накала, когда в руках у казаков очутилась грамота, якобы подписанная Ляпуновым: «Казаков по городом побивать». Эта грамота скорее всего была передана через одного из пленных А. Гонсевским. Приговором 30 июня 1611 г. и последующими действиями П. Ляпунов бросил открытый вызов казакам. Он не хотел считаться с тем, что люди, вкусившие свободу, не склонны добровольно поступиться ею. Он не принимал во внимание, что люди, получившие в руки оружие, послушно не сложат его. И вот казаки вызвали Ляпунова в свой круг и зарубили его 22 июля 1611 года.

5. Усугубление интервенции. Второе ополчение

После гибели П. Ляпунова Первое ополчение распалось. Большинство дворян, боясь насилий со стороны казаков, покинуло его. Разошлись также земские рати северных и поволжских городов. Наряду с внутривополченческими разногласиями на распад ополчения повлияло намерение П. Ляпунова просить на русский престол шведского королевича. Заруцкий же и казаки хотели видеть на нем сына Марини. С уходом большинства дворян и земских ополченцев руководящая роль под Москвой перешла к казачьим «таборам». Казаки храбро бились с поляками, держали их в осаде. Осенью 1611 г. они отразили попытку гетмана Ходкевича пробиться в Кремль. Но в своей внутривополченческой деятельности не нашли ничего лучшего, как воспроизвести с некоторыми видоизменениями те же феодальные порядки и методы управления, против которых стихийно выступали. В «таборах» действовали традиционные приказы, раздавались поместья и вотчины¹².

Еще до распада Первого ополчения в начале июня 1611 г. после двадцатимесячной героической обороны пал Смоленск. Все это время поляки устраивали штурмы, пробовали склонить смольнян к сдаче, действуя через московских послов. Но тщетно. То, чего не смогли достичь королевские войска и дипломатия, сделали свирепствовавшие в городе голод и цинга: из 80-тысячного населения Смоленска осталось едва 8 тысяч. Не хватало людей, чтобы защищать огромную крепостную стену. Сторожевая служба ослабла. Однако попытки поляков штурмовать в лоб отбивались, как и прежде, мужественными усилиями всех смольнян. Воевода М. Б. Шеин был непоколебим в своем решении защищать город, который в глазах русских людей стал образцом стойкости и мужественного сопротивления интервентам. Участь Смоленска решила изменить. Смоленский помещик А. Дедешин показал осаждавшим часть стены, которая воздвигалась наспех в осеннюю пору. Король приказал подвести туда артиллерию. После ожесточенного обстрела стена рухнула. Ночью 3 июня польские войска ринулись на приступ. Поредевшие защитники города яростно сражались, но силы были неравны. Последним опорным пунктом обороны стала Успенская церковь, под которой находи-

¹² Н. П. Долинин. Подмосковные полки (казачьи «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958, стр. 16—17.

лись пороховые погреба. Не желая сдаваться врагу, ее защитники подожгли порох и взлетели на воздух. Погибли все, кто был в церкви. Воеводу М. Б. Шеина, плененного в одной из башен, интервенты подвергли жестоким пыткам и в течение всех девяти лет, что он пробыл в плену, держали в кандалах.

Взяв Смоленск, Сигизмунд III направился не к Москве на помощь осажденному польскому гарнизону, а на сейм в Варшаву. Король въехал в столицу с триумфом. Он взял мощную крепость, он вез с собой русского царя В. Шуйского. Теперь Сигизмунд III открыто отрекся от договора 17 августа 1610 г. и заявил о своих претензиях на русский престол с целью установления унии двух государств под эгидой Польши.

Тяжелое положение России усугублялось шведской интервенцией. Шведы воспользовались Клушинским поражением, чтобы прибрать к рукам русские пограничные владения. После упорных боев им удалось захватить 2 марта 1611 г. Корелу, но они потерпели поражение под Ладогой и Орешком. Сорвались и их планы захвата Северной Карелии. Ни Кола, ни Соловецкий монастырь не сдались неприятелю. Карельское население развернуло партизанскую войну против шведов, уходило в леса, прятало продовольствие¹³.

Однако шведы достигли важного успеха, захватив летом 1611 г. Новгород Великий. Они давно лелеяли мечту оторвать от Руси Новгородскую землю и превратить ее в зависимое от Швеции вассальное государство. Еще в марте 1611 г. Делагарди расположился у Хутынского монастыря в семи километрах от города. Хотя новгородцы и отказались сдать, они не приняли энергичных мер для обороны. В городе не было согласия ни между воеводами, ни между ратными людьми и посадскими. Вдобавок ко всему новгородцев дезориентировали переговоры, ведшиеся представителями П. Ляпунова со шведами о призвании на русский престол шведского королевича. 8 июля Делагарди послал свои войска на штурм города. Новгородцы штурм отбили, но через неделю были захвачены врасплох. 16 июля изменник Иван Шваль, холоп одного из новгородских помещиков, ввел врага в город через Чудицкие ворота. Воевода В. И. Бутурлин со своим отрядом поспешно бежал из Новгорода. Спротивление оказали лишь отдельные группы стрельцов и казаков. Они отклонили все предложения о сдаче и были поголовно истреблены интервентами. Погиб известный казачий атаман Тимофей Шаров, участник восстания Болотникова, а затем похода Скопина. Упорно сражался со шведами протопоп Софийского собора Аммос. Он затворился на своем дворе вместе с другими новгородцами и стойко отражал натиск шведов. Тогда интервенты подожгли двор протопопа; Аммос и его товарищи сгорели живьем.

Новгородский Кремль был сдан Делагарди митрополитом Исидором и князем И. Н. Одоевским без сопротивления. Новгородские власти вскоре заключили со шведами договор, фактически отторгавший Новгород Великий от Русского государства: с территорией, которая именовалась теперь «Княжеством Новгородским», он отдавался под покровительство шведского короля и заключал с ним союз против Польши. Делалось это якобы во исполнение Тязинского договора 1595 г. и Выборгского договора 1609 года. Заключая договор со Швецией, новгородцы брали обязательства не только за себя, но и за все Русское государство. Избранный ими царем один из сыновей шведского короля оказывался уже тем самым «царем» России. Пока же вся власть в Новгороде переходила к Делагарди, который не замедлил ввести оккупационный режим, по суровости не уступавший польскому. В руках у Делагарди оказались все нити управления. Он раздавал и отбирал поместья, чинил суд и расправу. Одной из главных его забот стало распространение власти шведов на другие пограничные города. Один за другим пали Копорье, Ям, Ивангород, Орешек. Но хорошо укрепленный Псков устоял и стал главным оплотом борьбы с интервентами на северо-западе России.

Помимо шведов, под Псковом долго хищничали шайки Лисовского, грабя и убивая мирных жителей. В марте 1611 г. гетман Ходкевич пробовал взять Псково-Печерский монастырь, но приступ поляков был отбит с большими для них потерями. Тогда же появился в Ивангороде последний крупный самозванец — Лжедмитрий III. Летописец называет его Сидоркой (или Матюшкой) и говорит, что он был москов-

¹³ И. П. Шаскольский. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск. 1950, стр. 68—78, 89—93.

ским дьяконом «из-за Яузы»¹⁴. Самозванец перебрался вскоре в Псков, где его охотно приняли, видя в нем защитника против шведов. Псковичи целовали ему крест. Из Пскова самозванец завязал сношения с подмосковными «таборами», надеясь на то, что казаки его признают.

К осени 1611 г. страна, казалось, стояла на краю гибели. Польские войска взяли Смоленск и засели в спаленной ими Москве. Первое ополчение распалось. Шведы захватили Новгород Великий. Правящие верхи окончательно обанкротились. Московские бояре, запятнавшие себя сотрудничеством с интервентами, сидя вместе с ними в Кремле, потеряли всякий авторитет в глазах народных масс. Их открыто называли предателями. В этот критический момент усилилось народное сопротивление. Его питали, ему придавали размах и силу страдания, обрушившиеся на всех, и гнев за поруганное чувство национального достоинства. Все яснее осознавалась народом нетерпимость создавшегося положения.

Вновь оживилась земская организация, сыгравшая столь важную роль при отражении тушинцев. Вновь на политическую арену выходит Нижний Новгород. В этом богатом торговом городе, расположенном у слияния Оки с Волгой, зреет решимость взять судьбу гибнущей страны в свои руки. Необходимо было поднять всеобщее воодушевление, вселить уверенность в победу, укрепить в народе готовность идти на жертвы. Нужны были люди, которые обладали бы такими личными достоинствами и таким пониманием происходившего, чтобы возглавить движение за освобождение страны от интервентов. Первым среди них источники называют Кузьму Минина Сухорука, нижегородского посадского человека, земского старосту, «торгового человека от простых людей», «говядаря» (скотопромышленника, торговца мясом). В «Повести» высокородного князя Катырева-Ростовского говорится о Минине чуть ли не как о розничном торговце: «Убогою куплею питаюся, сиречь продавец мясу и рыбе в требование людям»¹⁵. Почему же именно этого человека нижегородцы избрали осенью 1611 г. в земские старосты, в которые обычно избирались из «лучших» или «средних» людей? Как бы отвечая на этот вопрос, летописец подчеркивает ум и красноречие Минина («смышлен и язычен»). Автор Хронографа 1617 г. свидетельствует о Минине, что он «зоровельски поболе душою за люди господни» (Зоровавель — библейский герой, освободивший свой народ от персидского плена, страстный поборник правды). Кузьма Минин болел душою за общее дело. И это понимало нижегородское простонародье, выдвинувшее Минина на важный пост земского старосты, связанный со сбором налогов и вершением судебных дел в посадской среде.

Однако решающее значение для его избрания, конечно, имело то обстоятельство, что осенью 1611 г. в нижегородском городском совете возобладали «молодчие торговые люди» — наиболее демократическая и патристически настроенная часть посадского населения, — которые и провели своего представителя в земские старосты. «От молодых от торговых людей с ним (Д. М. Пожарским. — В. К.), — свидетельствует летописец, — посадской человек нижегородец Кузьма Минин». Избрание земского старосты осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде из числа «молодых торговых людей» — лучшее свидетельство как исключительности момента, так и поразительного организаторского таланта Кузьмы Минина, самой жизнью выдвинутого в зачинатели Второго ополчения. Величие Минина состояло в том, что он в нижегородском городском совете сумел увидеть ту организацию, которой единственно по плечу было создать новое ополчение и поставить его деятельность на практическую почву. И именно поэтому стал он душой этого начинания.

Какую-то роль здесь могло сыграть и знакомство Минина с военным делом. Немаловажным также являлся тот факт, что Минин знал Д. М. Пожарского. Во всяком случае, князь, у которого, по свидетельству летописца, был с Мининим первоначальный уговор, рекомендовал его впоследствии вместе с собой в начальники ополчения для заведования казной как человека в прошлом военного («той бывал человек служивой, тому то дело за обычей») ¹⁶. Очевидно, Минин когда-то прини-

¹⁴ ПСРЛ. Т. XIV, стр. 115.

¹⁵ РИБ. Т. 13, стб. 613.

¹⁶ ПСРЛ. Т. XIV, стр. 116.

мал участие в боевых действиях и был ранен, отчего одна его рука усохла. Отсюда прозвище — Сухорук.

В дореволюционной исторической литературе обычно связывали почин Минина с грамотой из Троице-Сергиева монастыря от 6 октября 1611 г. в Нижний Новгород, следуя в этом вопросе за Авраамием Палицыным, беззастенчивым панегиристом своего монастыря. Однако еще И. Е. Забелин показал, что троицкая грамота пришла в Нижний Новгород уже в разгар работы по созданию ополчения¹⁷. Скорее такую роль могла сыграть августовская грамота патриарха Гермогена, под непосредственным управлением которого в церковном отношении находился Нижний Новгород. Но в ней ничего не говорится о борьбе с поляками, а в качестве главного врага названы казаки. Эти грамоты в какой-то мере лишь способствовали развитию освободительного движения, почин же Минина был продиктован не ими, а его собственным пониманием того тяжелого состояния, в котором оказалась родная земля, и необходимости борьбы за ее освобождение. Уже в первом своем выступлении К. Минин предложил не жалеть не только «животов своих» (имущества), но и «дворы свои продавать и жены и дети закладывать», а собрать деньги на ополчение. Патриотический призыв Минина получил горячий отклик у нижегородцев. Многие из них делали пожертвования. Согласно последующим свидетельствам, одна богатая вдова из имевшихся у нее 12 тыс. рублей пожертвовала 10 тыс. сумму по тому времени огромную, поразив воображение горожан. Сам Минин отдал на нужды ополчения не только «всю свою казну», но и серебряные и золотые оклады с икон и драгоценности своей жены.

Однако одними добровольными взносами обойтись было нельзя. Поэтому был объявлен принудительный сбор «пятой денгй» со всех нижегородцев: каждый из них должен был внести $\frac{1}{5}$ часть своих доходов от промысловой и торговой деятельности в казну ополчения. Именно это имел в виду автор «Пискаревского летописца», когда сообщил, что К. Минин начал «в Новгороде казну збирати з гостей (богатых купцов.— В. К.) и с торговых людей, и со всех тамошних житейских людей, хто чего стоен: с ыного рубль, с ыного пять и шесть, с ыного десять, и дватцать, и пятьдесят, и сто, и двести, и триста, и пятьсот, и тысячу, и больши. И свою казну дал тут же всю»¹⁸.

Собравшие деньги должны были пойти на раздачу служилым людям. Предстояло найти воеводу, который возглавил бы ополчение. Нижегородцы не хотели иметь дело со своими воеводами. Они требовали, чтобы глава ополчения был искусным в военном деле и не прельщался на измену. Однако найти такого воеводу в «смутное время», когда переходы воевод из одного лагеря в другой стали обычным явлением, было не так-то просто. Тогда вспомнили о Д. М. Пожарском, который жил в 120 верстах от Нижнего Новгорода. Пожарский, хотя и происходил из знатного рода князей Стародубских, принадлежал к его захудалой ветви и был далек от правящей верхушки. Он не имел думного чина, был простым стольником. Не сумев сделать придворную карьеру, он зато не раз отличился на поле брани. Слава о героических подвигах князя в дни московского восстания весной 1611 г. дошла и до Нижнего Новгорода.

Д. М. Пожарский принял предложение нижегородцев не сразу. Он был наслышан об их «непослушании воеводам». А князь, опытный военачальник, хотел с самого начала заявить претензии на сильную военную власть. К нему посылали из Нижнего Новгорода посольства «многажда». В числе приезжавших был, очевидно, и К. Минин. Князь прочил его в заведующие ополченской казной. На том и порешили. Пожарский и Минин развили энергичную деятельность по созданию ополчения, которое, по мысли современников, призвано было окончательно освободить Москву от интервентов. Это было грандиозное напряжение народных сил, последняя их мобилизация с одной лишь ставкой — на победу, на освобождение от интервентов. Именно в этом смысле нужно понимать слова летописца, что в движении приняли участие «Московского государства последние люди»¹⁹. Минин и Пожарский созна-

¹⁷ И. Е. Забелин. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время. М. 1896, стр. 246—248.

¹⁸ «Материалы по истории СССР». Вып. II. М. 1955, стр. 136.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XIV, стр. 117.

вали, что решить стоявшую перед ними столь большую задачу они могут, лишь опираясь на «всенародное множество». И народ воспел подвиг Пожарского и Минина в изумительных словах, полных гордости за своих великих сынов:

«Поднялися те добры молодцы,
Поднялися те Руси верные,
Что Пожарский князь с купцом Мининым.
Вот два сокола, вот два ясные,
Вот два голубя, вот два верные,
Поднялися вдруг, пустилися.
Пособравши рать, рать последнюю»²⁰.

Представить, как формировалось ополчение в Нижнем Новгороде, помогает нам летописное свидетельство, автор которого либо сам происходил из русских западных служилых людей, принявших активное участие в ополчении, либо был с ними тесно связан. Он записал: «Того же году (1611—1612.— В. К.) учал збиратца в Нижнем Новогороде князь Дмитрий Михайлович Пожарской да от молодчих от торговых людей с ним посацкой человек нижегородец Кузьма Минин с понизовскою силою и с разоренными города, которые там от голоду и от разоренья зашли, бегачи от гонения от литовских людей,— с смольняны и з беляны и з дорогобужаны и вязьмичи и брянчаны и с рославцы и с ыными со многими с порубежными с разоренными города. И учили им давать князь Дмитрий Михайлович Пожарской да Кузьма Минин многие столовые запасы и денежное великое жалованье по тридцати по пяти рублев, смотря по человеку и по службе своим презреньем, и учинили ратных людей сытых и конных и вооруженных и покойных и запасных».

Повелские города откликнулись на призыв нижегородцев по-разному. Такие малые города, как Балахна и Гороховец, тянувшие к Нижнему, сразу же включились в дело. Казань же, напротив, отнеслась к этому призыву поначалу довольно прохладно, то ли потому, что незадолго перед тем высылала уже войска к Москве, то ли по причине недовольства, что руководство движением приняла не она. В этих условиях военным ядром ополчения становятся служилые люди пограничных районов — смольняне, беляне, дорогобужане, вязьмичи, брянчане, рославцы и другие. Понятна их заинтересованность в судьбе ополчения. Их родной край захвачен польскими интервентами, их поместья разорены, а сами они обречены на скитания, голод и нищету. Летописец специально отмечает, как хорошо были обеспечены служилые люди в ополчении Пожарского и Минина: «Учинили ратных людей сытых и конных и вооруженных и покойных и запасных»²¹. Несмотря на поголовное обложение нижегородцев, денег на обеспечение ополченцев все равно не хватало. Пришлось прибегнуть к принудительному займу и у нижегородцев. Ему подлежали строгановские люди, купцы из Москвы, Ярославля и других городов, связанные торговлей с Нижним Новгородом.

В дальнейшем в Нижний Новгород пришли дворяне из Коломны и Рязани, а также служилые люди, казаки и стрельцы из «украинных городов», сидевшие в Москве в осаде при царе В. Шуйском. Все они были пожалованы не хуже смольнян. Характерная деталь сохранилась в «Новом летописце»: продавцы, уступавшие худых, заморенных лошадей по сравнительно недорогой цене, после месяца их пребывания на довольствии в ополчении не узнавали своих одров. В ополчении наряду с особой казной была создана и особая канцелярия во главе с дьяком Василием Юдиным. В его руках оказались сложное делопроизводство ополчения и обширная переписка. Делопроизводственный механизм заработал тотчас же, как стали наделять служилых людей жалованьем. При назначении жалованья учитывался прежний оклад помещикам, а возможно, и последующие придачи. В результате большой предварительной справочной работы, опросов и сверок все служилые люди были разделены на несколько групп с различными окладами — от 30 до 50 рублей.

Помимо мероприятий по созданию ополчения, его руководителям пришлось сразу

²⁰ «Исторические песни XVII века». М.-Л. 1966, стр. 97.

²¹ См. также П. Г. Любомиров. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М. 1939, стр. 65.

же заняться административной деятельностью. Сила и влияние их обнаружили и за пределами Нижегородского уезда. Были посланы грамоты в Ярославль, Вологду, Казань. Узнав о формировании ополчения и не имея возможности противодействовать этому, обеспокоенные интервенты обратились к патриарху Гермогену с требованием, чтобы он осудил подобное начинание. Патриарх отказался это сделать. Более того, по свидетельству летописца, он в сердцах проклял обратившихся к нему по поручению интервентов московских бояр как «окаянных изменников». Тогда его начали «морить голодом». 17 февраля 1612 г. Гермоген умер.

Руководителям ополчения необходимо было определить свое отношение к подмосковной власти «бояр-воевод» Трубецкого и Заруцкого. Поначалу Пожарский и Минин действуют, как бы прикрываясь их именами. Но, по существу, с «таборами» уже в момент формирования ополчения вспыхнула скрытая борьба, перешедшая затем в открытую. Проследить ее можно на примере Курмыша, маленького городка в Поволжье, находившегося под управлением подмосковной власти. Однако права на него предъявляли и нижегородцы. Жители Курмыша, склонные в общем поддерживать подмосковные полки, очутились в затруднительном положении. Наступательная политика нижегородцев, направленная против власти «бояр-воевод», проявляется уже в декабре 1611 года. Пытаясь подчинить себе Курмыш и получить определенную мзду в ополченческую казну, Д. М. Пожарский написал курмышскому воеводе грамоту, в которой выговаривал ему за самовольные сборы доходов для раздачи местным служилым людям: «А ты присылаешь для доходов! Кого тебе на Курмыше жаловать? А хотя и есть кого, и тебе Курмышем одним не оборонить Москвы»²². Эта суровая отповедь свидетельствует о глубоком понимании Пожарским всенародного дела нижегородского ополчения, сознании большой ответственности за освобождение Москвы, возложенной на него историей. Но угроза Пожарским делается еще от имени подмосковной власти: «От бояр и ото всея земли отмищение приемешь». Правда, «бояре» уномянуты здесь больше для проформы, потому что роль карающей десницы «всей земли» Пожарский готов был взять на себя. При первом же удобном случае он шлет на смену непокорному воеводе нового, которому, однако, из-за сопротивления курмышан в городе утвердиться не удалось. В свою очередь, «бояре-воеводы», прослышав о переписке Нижнего Новгорода с Казанью и Курмышем по поводу избрания царя, утесняют курмышан, оказавшихся в Москве: «И от того учинилась была на Москве ссора, и курмышаном де, которые в те поры были на Москве, про то было в наказанье»²³.

6. Освободить Москву!

С декабря 1611 г. действуют два временных правительства, соперничающие между собой. Борьба ведется не только за влияние на местных воевод и за доходы, но и по вопросу о том, каким образом освободить столицу. «Бояре-воеводы», поддерживаемые властями Троице-Сергиева монастыря, ратуют за скорейший приход ополчения под Москву, тогда как нижегородское правительство считает нужным повременить, предпочитая опрометчивым действиям упорную повседневную работу по организации и сплочению ополчения.

В Нижнем Новгороде появляется стремление пополнить и расширить городской совет представителями от других городов и, что очень важно, даже за счет верхушки волостного крестьянства. «Для земского совета» были затребованы в декабре 1611 г. в Нижний старосты, целовальники и «лутчие люди» из нижегородских сел Мурашкина, Лыскова и других. Согласно «Новому летописцу», в Нижний Новгород из Поморья прислали представителей «на совет и многую казну»²⁴. Теперь нижегородскому городскому совету тоже придается громкое имя «Совета всей земли», чтобы он мог успешнее противостоять «Совету всей земли» подмосковных полков. Именем этого совета действуют руководители нижегородского ополчения, собирая доходы, подводя под свою руку другие города и карая непокорных. Представителей «всей земли» собрать в Нижний Новгород в той обстановке было невозможно, но определен-

²² «Летопись занятий Археографической комиссии». Вып. 1. СПб. 1861, № 6.

²³ Там же, № 9.

²⁴ ПСРЛ. Т. XIV, стр. 117.

ные шаги в этом направлении делались. Присутствие в нижегородском «Совете всей земли», помимо представителей духовенства и боярской думы, посадских людей, дворян и даже волостных представителей, обеспечивало ему преимущество перед подмосковным «Советом всей земли», являвшимся лишь военной казачье-дворянской организацией. И нижегородская власть, опираясь на симпатии «всенародного множества», расширяет сферу своего влияния, сужая и без того слабую социальную и территориальную базу подмосковных «бояр-воевод».

Первым не выдержал неустойчивый, склонный к авантюрам Заруцкий. Воспользовавшись отводом из Ростова Великого польского отряда Сапеги, он в феврале 1612 г. посылает своих казаков захватить Ярославль. Туда же приказано было идти из Владимира А. Просовецкому. Посланные Заруцким казаки ворвались в город. Встревоженные ярославцы отправили гонцов к Пожарскому с просьбой о помощи. Тот принимает вызов Заруцкого и спешно шлет в Ярославль отряд под начальством своего двоюродного брата князя Д. П. Лопаты-Пожарского, который занимает город, а казаков сажает в тюрьму. Просовецкому, бывшему на подходе к Ярославлю, не остается ничего другого, как повернуть назад.

Лишь получив известие от Лопаты-Пожарского, что главный ключ от Поморья в руках нижегородцев, Пожарский и Минин в начале марта 1612 г. отдают ополчению распоряжение выступить из Нижнего Новгорода. Соответственно меняются и планы. Если первоначально ополчение намеревалось идти на Москву прямым путем через Владимир, то теперь решено было направиться туда в обход, через Ярославль, минуя опустошенные районы, где действовали казачьи отряды подмосковных «бояр-воевод». Поход ополчения наиболее подробно описан в «Новом летописце». Уже в первых городах, через которые оно прошло, в Балахне и Юрьевце, к нему присоединились новые отряды: в Балахне — Матвей Плещеев «со многими дворянами разных городов», а в Юрьевце — служилые татары. Новоприбывшие получили денежное жалованье. В Решму поступило известие, что под Москвой казаки, обеспокоенные движением ополчения, присягнули псковскому самозванцу. Однако им вскоре пришлось отказаться от своего «крестного целования». На подходе к Костроме, в Плес, прибыла делегация костромичей с предупреждением о нежелании воеводы И. Шереметева пускать ополчение в город. Воеводу, однако, поддержали немногие. Более того, местные жители едва не убили его, если бы не заступничество Пожарского. Заменяв враждебного воеводу лояльным князем Р. Гагариным и взяв с собой «многую казну», Пожарский и Минин повели ополчение дальше. В Костроме, да и повсюду в пути, они действовали как правительственная власть.

В начале апреля 1612 г. ополчение вступило в Ярославль. Здесь ему был оказан торжественный прием. Началось длительное «ярославское стояние». «Поход же их замешкался», — записал летописец. Историки долго не могли понять причин, задержавших ополчение в этом городе на целых четыре месяца. Теперь они ясны. Нужно было пополнить ополчение людьми, а его казну — деньгами, укрепить связи с богатым Поморьем, волжским Понизовьем и с Сибирью, обезопасить себя от возможного удара в тыл со стороны шведов и казачьих отрядов. Наконец, надо было организовать, окончательно оформиться как временная центральная власть, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями²⁵.

«Ярославское стояние» совпало с усилением раздоров в польском лагере. Наемники требовали обещанного жалованья, кремлевский гарнизон, истомленный осадой, — смены. Положение осложнилось ярой враждой между польскими военачальниками Гонсевским и Струсем. Получив известие о сборах ополчения, Гонсевский покинул Москву. Вместе с ним ушло много жолнеров. В Кремле осталась часть отряда Струся и полк Будилы в тысячу человек. Казаки блокировали польский гарнизон и вели с ним бои. У Ходкевича, действовавшего в Подмосковье, сил хватало лишь на нерегулярное снабжение «кремлевских сидельцев». Ему сильно мешали действия русских партизанских отрядов, которые нападали на фуражиров интервентов, обращали их в бегство, отбирали награбленное ими у населения добро²⁶. В марте 1612 г. неизве-

²⁵ П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 106—145.

²⁶ С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. IV, стр. 680; П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 95—96; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.». М. 1955, стр. 585—586.

стный крестьянин под Москвой почти предвосхитил подвиг Ивана Сусанина. О действиях партизан и героическом крестьянине рассказывает в своих записках Маскевич, который, пробираясь с небольшим польским отрядом в осажденный Кремль, подвергся нападению партизан вблизи лагеря Ходкевича. «Едва отошли мы на милю или на две от гетмановского лагеря, — писал он, — напали на нас шиши (партизаны. — В. К.) и без труда одержали победу: ибо находившиеся при возах наших москвитяне тотчас передались к своим; а другие загородили путь повозками; дорога же была узкая, а снега безмерно глубокие... Враги разорвали наш отряд надвое: одни из нас воротились к гетману, а другие, шедшие впереди, в числе коих и я был, пробившись сквозь шишей, с трудом достигли Можайска. Тут, в деревне Вишенце, мы поймали старого крестьянина и взяв его проводником, чтобы не заблудиться и не набрести на Волок, где стоял сильный неприятель. Он вел нас в одной миле от Волока; ночью же нарочно повернул к тому месту. Уже мы были в одной только версте; к счастью, попался нам Руцкий, который в то время, проводив товарищей, вышедших из столицы к пану гетману, возвращался под самыми стенами Волока на свои квартиры в Рузу, где стоял с казацкою ротой. От него узнали мы, что сами идем в руки неприятелю, и поспешили воротиться. Проводнику отсекали голову; но страха нашего никто не вознаграждает»²⁷.

Развернувшееся партизанское движение, боевые действия казаков и раздоры в стане интервентов благоприятствовали намерениям Пожарского и Минина продолжать работу по укреплению и организации ополчения. В Ярославле в него влились дворяне из Вологды, Галича и замосковных городов. Подошли отряды служилых татар — поволжских, касимовских и романовских. Царевич Араслан возглавил «сибирскую многую рать» из татар, казаков и стрельцов. К великому делу создания ополчения присоединились и другие народы, входившие в состав многонационального Русского государства. Кроме того, из различных городов подходили стрельцы, «даточные люди» — крестьяне-ополченцы, служившие во вспомогательных отрядах. В Ярославле ополчение более чем удвоилось. Здесь собралось свыше 10 тыс. служилых людей, до 3 тыс. казаков, не менее тысячи стрельцов и «даточные люди» из крестьян, число которых определить пока не удается²⁸. Вместить всех воинов Ярославль не смог. Пришлось построить два особых лагеря.

Забывая об обеспечении служилых людей, руководители ополчения уже в Ярославле приступили к раздаче поместий. В то же время у казаков поместья отбирались, а вместо них назначалось хлебное и денежное жалованье. В связи с ископщениями возникла необходимость упорядочить земельный фонд, пришедший за период «смуты» в расстройство. Начались дозоры земель, сведения о которых сохранились по ряду уездов. И в отрицательном отношении к казачьему землевладению и в попытках наладить учет земель для широкого ископщения дворян руководители Второго ополчения следовали примеру П. Ляпунова. Восстанавливая крепостной порядок, они стремились укрепить и феодальную законность. Попытки нарушить право владения крестьянами и земель пресекались. По самым различным делам вершились суд и расправа.

Для выдачи служилым людям и казакам жалованья требовались большие денежные суммы. Между тем денег не хватало. Опять пришлось прибегнуть к принудительному займу. Теперь занимали не только у купцов, горожан и волостных людей, но и у монастырей, в том числе и у такого богатого, как Соловецкий. Деятельность Минина в Ярославле по сбору средств для казны красочно описана в «Пискаревском летописце». Получавшие жалованье, по словам его автора, давались на поруки, «чтоб им служба служить и з службы не сбежать»²⁹. В Ярославле окончательно оформился правительственный аппарат. Испомащать служилых людей, выдавать им хлебное и денежное жалованье нельзя было, не имея Разрядного и Поместного приказов. Кроме того, в Ярославле действовали Дворцовый приказ (Большой дворец), Судный приказ и, возможно, Посольский.

Вся эта огромная работа велась и направлялась временным правительством, во главе которого стояли Пожарский и Минин. В Ярославле при них действовал чрезвычай-

²⁷ Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 88.

²⁸ П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 114—118.

²⁹ «Материалы по истории СССР». Вып. II, стр. 138.

чайный Земский собор («Совет всей земли»). «Освященный собор» в нем представляли ростовский митрополит Кирилл, живший на покое в Троице-Сергиевом монастыре и вызванный оттуда в Ярославль особой грамотой, и ярославское духовенство; боярскую думу — те немногие бояре и окольные, которые находились в Ярославле. Но главенствующую роль в нем играли представители «всей рати» и посадских людей. Грамоту о присылке в Ярославль выборных людей подписали наряду с «выборным человеком всею землею» Кузьмой Мининым ярославский земский староста Григорий Никитников и видный ярославский купец Надея Светешников. Впрочем, волостных крестьян в ярославском «Совете всей земли» в отличие от нижегородского уже не видно. Но и в таком составе ярославский «Совет всей земли» был достаточно представительным, пользовался огромным авторитетом и более значительными полномочиями, чем обычные земские соборы. Он распространял свою власть на большую часть территории страны, исключая южные районы, продолжавшие поддерживать подмосковные «таборы», самоуправляющийся Псков и занятый шведами Новгород Великий.

В Ярославле же начались и переговоры со шведами об избрании на русский престол шведского королевича. Уже в начале апреля 1612 г. в Новгород было направлено посольство во главе с С. Л. Татищевым³⁰. Когда в июле 1612 г. в Ярославль прибыло ответное посольство из Новгорода, то в переговорах с ним Пожарский занял уклончивую позицию. Согласие на избрание Карла-Филиппа, сына Карла IX, давалось лишь при условии принятия им православия и прибытия его в Новгород. Отправить посольство в Стокгольм ярославское правительство, учитывая печальный опыт «великого посольства», наотрез отказалось. Со шведской кандидатурой явно не спешили и даже намекали на возможность избрания другого кандидата, если королевич не явится в Новгород, ибо «нам без государя быти невозможно, сами ведаете, что такому великому государству без государя долгое время стояти нельзя»³¹. Тем временем укреплялась северо-западная граница с целью противостоять шведам. В Ярославле попробовали противопоставить Польше также Австрию, послав к императору грамоту, в которой просили его воздействовать на польского короля в том смысле, чтобы тот отказался от своих захватнических планов на Востоке.

Ярославское правительство, почувствовав силу, активизировало наступательные действия против подмосковных полков. Оно продолжало придерживаться старой тактики, применявшейся еще в Нижнем Новгороде и по пути в Ярославль, — смецало в городах таборских воевод и назначало своих, прибирало к рукам власть на местах. Казацкие отряды изгонялись из все новых и новых уездов. Дорога на север им была закрыта, а самих их загнали на небольшую территорию у Москвы, и имели они только один выход — на юг. Неприятной для «бояр-воевод» новостью явились попытки ярославского правительства наладить контакты с южными дворянами, которые еще поддерживали «таборы». По мере усиления ярославской власти менялся ее тон по отношению к казакам. В адрес Заруцкого слышатся открытые обвинения в убийстве П. Ляпунова и в незаконной раздаче своим сторонникам «черных», дворцовых и монастырских земель, о чем раньше не говорилось. Грамоты Пожарского, избличающие Трубецкого и Заруцкого, которые присягнули Лжедмитрию III, безжалостно язвительны: «Как сатона омрачи очи их!» Ведь «при них колужский их царь убит и обезглавлен лежал всем на видение шесть недель»³². Но и в то время руководители Второго ополчения согласны были действовать с подмосковными полками совместно, если они откажутся от псковского самозванца.

6 июня в Ярославль прибыло посольство от Трубецкого и Заруцкого с уверениями, что «таборы» больше не будут признавать Сидорку, лишь бы склонить на свою сторону Минина и Пожарского. Но руководители Второго ополчения оказались непреклонны. Верхом унижения для «бояр-воевод» стал отказ Пожарского от богатого костромского села Воронино, которое они предложили князю, дабы задобрить его. Тогда Заруцкий организовал покушение на Пожарского. Прежде чем пустить в ход нож, он пытался «испортить» князя. Летописец, писавший еще при жизни Пожар-

³⁰ ПСРЛ. Т. XIV, стр. 119.

³¹ П. Г. Любимиров. Указ. соч., стр. 143.

³² ААЭ. Т. II, № 203.

ского (князь умер в 1642 г.), отметил, что «и до нынешнего дни та болезнь в нем». Пожарский действительно страдал, как тогда выражались, «черным недугом». «Болезнь лютая» приходила к нему и во время походов³³, но связывать ее с «порчей» от Заруцкого вряд ли уместно. А покушение на Пожарского было произведено во второй половине июня 1612 г., когда он осматривал на «съезде дворе» артиллерию, предназначенную к отправке под Москву. В возникшей толчее покушавшийся хотел нанести удар князю в живот, но промахнулся и поранил ногу сопровождавшему Пожарского казаку. Тот упал наземь. Пожарский счел происшедшее за простую поножовщину и намеревался уйти. Но ему закричали: «Тебя хотеша зарезать ножем». Покушавшегося, который оказался казаком Заруцкого, схватили и пытали; тот назвал своих сообщников. Они во всем повинились. Их хотели казнить, но Пожарский отговорил от этого. Решено было одних посадить в тюрьму, других взять с собой под Москву, чтобы уличить Заруцкого в заговоре.

Вскоре из Ярославля были высланы к Москве передовые конные отряды. Во главе первого, насчитывавшего 400 всадников, находились М. С. Дмитриев и Ф. Левашов; во главе второго из 700 всадников — Д. П. Лопата-Пожарский. Им было приказано стать у Петровских и Тверских ворот отдельно от казаков и построить острожки. Заруцкий, понимая, что дело его проиграно, решился на отчаянный шаг. Он попробовал вступить в переговоры с польским гетманом Ходкевичем, но о них стало известно через Хмелевского, польского ротмистра, перешедшего на сторону русских. Предательство Заруцкого глубоко возмутило казачий лагерь. В нем произошел раскол. Многие из казаков, бывшие холопы и крестьяне, ожидали прибытия ополчения, чтобы совместно биться с интервентами и освободить столицу. Другие, склонные к грабегам и насилию, покинули подмосковные «таборы» и ушли с Заруцким. Тот, захватив с собой в Коломне Марину Мнишек и «ворёнка», отправился дальше на юг через Михайлов, Перелаславль-Рязанский, Воронеж, пока не добрался до Астрахани, сея на своем пути смерть и разрушения, разоряя и помещиков, и крестьян, и посадских. Опасных беглецов захватили позднее, в 1614 году³⁴. Им была уготована страшная участь: Заруцкого посадили на кол; малолетнего «ворёнка» повесили, Марина умерла в заточении в Коломне.

Пожарский с основными силами выступил из Ярославля 27 июля, послав по городам сборщиков «всех ратных людей достальных забивати в полки». Поручив ополчение князю И. А. Хованскому и Кузьме Минину, он заехал в Суздаль поклониться родительским могилам. В Ростове князь догнал войска и, опасаясь предательского удара со стороны шведов, направил Григория Образцова с отрядом в 500—600 человек на Белоозеро. На пути в Москву к ополчению приезжали казаки из подмосковных полков разведать, не затевается ли что-нибудь против них. Но Пожарский и Минин принимали их неизменно приветливо, одаривали деньгами и сукнами и отпускали назад, под Москву. Находясь в Троице-Сергиевом монастыре, Пожарский хотел воспользоваться услугами монастырских властей, чтобы вступить в переговоры с подмосковными казаками. Однако известие о движении к Москве гетмана Ходкевича изменило его намерения. Выслав вперед князя В. И. Туренина, который стал у Чертольских (Кропоткинских) ворот, Пожарский повел рать на Москву. Чтобы перекрыть гетману основной путь в Кремль, он 20 августа занял позицию у Арбатских ворот. Намерение Пожарского разбить свой лагерь на направлении главного удара свидетельствует о его решимости сражаться до конца и одержать победу. Беспрестанные приглашения Трубецкого, расположившегося у Крымского двора (близ Крымского моста), в стороне от основных дорог, ведших из Можайска, откуда шел Ходкевич в Москву, присоединиться к нему были Пожарским отклонены. Едва ратники Пожарского успели возвести острог и выкопать ров, как тому доложили, что Ходкевич выступил из Вязем (поселок в 40 км по Смоленской дороге от Москвы). Уже к вечеру 21 августа гетман, имея 12 тыс. войска, стоял на Поклонной горе. Оба войска по численности были примерно равны; возможно, русские даже несколько превосходили неприятеля. Но в их войске не было согласия, а во время боя в случае вылазки кремлевского гарнизона они оказывались меж двух

³³ «Материалы по истории СССР». Вып. II, стр. 138; И. Е. Забелин. Указ. соч., стр. 141—142.

³⁴ В. Н. Бернадский. Конец Заруцкого. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института. Т. XIX. 1939, стр. 83—133.

огней. Кроме того, Ходкевич имел превосходство в коннице. Зато важным преимуществом русских был высокий воинский дух. Они бились за родную землю. Незванные пришельцы, сознавая, что в разоренной Москве их ждет не богатая добыча, а ожесточенное сопротивление, не могли похвастаться энтузиазмом. За их спиной, в Варшаве, усилилось недовольство королем, обещавшим быстрый успех и завязшим в России. Теперь его авантюрная политика не устраивала не только сенаторов, но и шляхту³⁵.

Перейдя утром 22 августа Москву-реку у Новодевичьего монастыря, Ходкевич нанес удар по левому флангу ополчения у Чертольских ворот³⁶. Он двинул в бой конницу, а затем ввел в дело и пехоту. Еще перед сражением Трубецкой попросил у Пожарского пять отборных конных сотен. Во втором часу дня Ходкевич повел наступление всеми силами. Польские войска начали теснить русских, грозя опрокинуть их в Москву-реку, а Трубецкой на помощь не шел. Некоторые казаки, обозленные нежеланием ополчения стать вместе с ними в «таборах», явились по поводу ополченцев: «Богаты пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от етмана». В тыл ополчению делал вылазки гарнизон интервентов, засевший в Кремле. Но эти попытки нанести удар в спину русскому войску, сдерживавшему напор основных сил Ходкевича, были отражены с огромными для поляков потерями. Будило, один из польских военачальников в Кремле, записал в дневнике: «Русские, наевшись хлеба, были сильнее наших, которые шатались от дуновения ветра. В то время несчастные (поляки из кремлевского гарнизона. — В. К.) понесли такой урон, как никогда»³⁷.

Ходкевич сетовал на недостаточную активность поляков, засевших в Кремле. Между тем они пытались помочь главным силам, но русские парализовали их действия. В отражении вылазки кремлевского гарнизона помогла предусмотрительность Пожарского, приказавшего возвести укрепления в местах возможных вылазок. Основные силы интервентов продолжали тем временем наступать «жестоко». В критический момент боя, когда русские кавалеристы по приказу Пожарского спешились и бились с наседавшим врагом врукопашную, «имая ся бо за руки сечахуся», на поляков вопреки желанию Трубецкого ударили конные сотни, отряженные к нему Пожарским и до того бездействовавшие. Понимая всю серьезность положения, к этим сотням присоединились четыре казачьих атамана. Перед выступлением они заявили Трубецкому, что «в вашей (воеводской. — В. К.) нелюбви Московскому государству и ратным людям пагуба точию чинится, чево ради не помогаеши погибающим?»³⁸. Натиск поляков иссяк. Они отступили, оставив на поле боя свыше тысячи убитых.

Ночью изменник Григорий Орлов, получивший от интервентов поместье Пожарского, провел в Кремль 600 гайдуков. Но обоз с продовольствием был перехвачен казаками. Следующий день прошел в передвижении войск. Ходкевич, отметивший бездействии Трубецкого, решил от Новодевичьего монастыря перебраться к Донскому, намереваясь проложить себе дорогу к Кремлю через Замоскворечье. Сюда начал стягивать силы и Пожарский, перенес свой стан от Арбатских ворот к церкви Ильи Обыденского (на Остоженке). Трубецкой расположился по берегу Москвы-реки (у Лужников). Его казаки занимали острожек у церкви св. Климента, на стыке Пятницкой и Ордынки, преграждая путь к Кремлю. Гетман разделил свое войско на две части. Левым флангом, направленным против отрядов Пожарского, командовал он сам. Здесь должны были разыгратя основные события. Бой 24 августа определил исход всего сражения. Длился он с рассвета до вечера и был крайне ожесточенным. Ходкевич снова применил массивированный конный удар. Ему удалось смять и «втоптать» некоторые русские полки в Москву-реку. Полк Пожарского выдержал натиск и тем самым предотвратил обший разгром. «Едва сам князь Дмитрей с полком своим стоял против них»³⁹, — писал летописец. В среде русских возникло замешательство. По словам летописца, «люди были в великой ужаси».

³⁵ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», стр. 590.

³⁶ С. В. Бахрушин и А. А. Савич. Борьба за освобождение Москвы от интервентов в 1612 году. «Вестник» Академии наук СССР, 1947, № 7, стр. 62—72.

³⁷ РИБ. Т. 1. СПб. 1872, стб. 320.

³⁸ «Новый летописец... по списку князя Оболенского». М. 1853, стр. 155.

³⁹ ПСРЛ. Т. XIV, стр. 125.

Полки Трубецкого также отступили, оставив пространство между Донским монастырем и Земляным городом. Но когда поляки вступили в Деревянный город, их конница оказалась под огнем двух пушек, с которыми во рву засели ополченцы. Интервентам пришлось спешиться и действовать в пешем строю, с трудом преодолевая рвы и ямы, вырытые русскими. Движение поляков приостановилось. Их войско было утомлено. По словам Будилы, «гетман рад бы был птицей перелететь в крепость (Кремль. — В. К.) с продовольствием»⁴⁰. И он приказал преждевременно ввести обоз на отвоеванную часть Замоскворечья, что сковало маневренность интервентов. Чтобы пробиться к Кремлю, Ходкевичу нужно было взять казачий острожек у церкви св. Климента. Последний был атакован польскими конниками, которые вырубали часть его защитников, другие же поспешно отступили. Поляки водрузили над храмом свое знамя. Это возмутило отступавших казаков. Они перешли в контратаку. Впереди шел знаменосец Михаил Константинов. Он пал, сраженный двумя пулями, но контратака закончилась успешно. Климентовский острожек был вновь отбит. В боях за него казакам помогали московские жители. Не только взрослые мужчины, но и «младенцы и жены и вдовы на приступы к острожку устремилися и солому и сено и хворост с огни приношаху и зажигающе»⁴¹. Интервенты потеряли множество своих солдат. Одних пехотинцев погело до 700.

Взятие вновь Климентовского острожка означало, что гетман так и не смог сломить сопротивление русских и закрепить свой успех. Но положение оставалось крайне тяжелым. Казаки после своей геройской контратаки заволновались. Они «укаряюще дворян, яко многими именами богатящихся, себе же натих и гладных нарицающе»⁴², и стали покидать поле боя. Есть известия, что в переговорах с казаками наряду с троицким келарем Авраамием Палицыным участвовал Минин, также обещавший им крупное денежное вознаграждение⁴³. Тут казаки повернули на врага и, соединившись с ополченцами, восстановили оборону. Русская пехота засела в ямах и «крапивах», перекрыв интервентам дороги к Кремлю. Вечерело, а исход боя был неясен. Решительные действия Минина склонили чашу весов в пользу русских. Он обратился к Пожарскому с просьбой дать ему людей, чтобы ударить по врагу. Князь ответил, что он может взять, кого захочет. Минин, захватив с собой ротмистра Хмелевского и три дворянские сотни, переправился через Москву-реку и внезапным ударом смял две польские роты, стоявшие у Крымского двора. Тотчас русская пехота покинула свои укрытия и двинулась вперед, за нею устремилась конница. Деревянный город был взят, стан гетмана захвачен. Потеряв 500 человек, он отступил на Воробьевы горы. Польское войско было окончательно обескровлено, а обоз с продовольствием потерян.

Ополченцы хотели преследовать врага, но воеводы проявили осторожность и сдержали наиболее горячих, заявив, что «не бывает на один день две радости». Стрельцам и казакам было приказано вести непрерывную стрельбу. Два часа они палили так, что, по словам летописца, «яко убо не слышети, хто что говоряше». Гетман со своим поредевшим войском утром «с великим срамом» побежал к Можайску. С ужасом наблюдали его уход с кремлевских стен осажденные поляки. «О, как нам горько было, — сетует один из них, — смотреть, как гетман отходит, оставляя нас на голодную смерть, а неприятель окружил нас со всех сторон, как лев, разинувши пасть, что-ль нас проглотить».

Бои 22—24 августа с очевидностью показали, что ни казакам, ни ополченцам в одиночку интервентов не разбить. Крайне насущным стал вопрос об их объединении. Прибывшие в столицу в начале сентября Иван и Василий Шереметевы, одного из которых Пожарский спас от народной расправы в Костроме, выступили против объединения, но поддержки они не получили. Троицкие власти, а среди них келарь Авраамий Палицын, правильно видевшие основной корень зла в те дни в разъединении «подмосковных полков» и ополчения, прилагали усилия к достижению соглашения. Присланное из монастыря послание на сей раз возымело действие на воевод, которые и сами стали склоняться к единению. В конце сентября обе рати и власти соединились. Были

⁴⁰ РИБ. Т. 1, стб. 323.

⁴¹ Г. Н. Бибииков. Бои русского народного ополчения 1612 г. «Исторические записки». Т. 32, 1958, стр. 190.

⁴² РИБ. Т. 13, стб. 1218.

⁴³ И. Е. Забелин. Указ. соч., стр. 107.

поставлены на Неглинной, местности нейтральной, находившейся посередине между двумя лагерями — казачьим и ополченским, общие приказы, а грамоты стали писать от Трубецкого и Пожарского. Имя Трубецкого оказалось на первом месте, потому что он имел боярство, хотя и тушинское, а Пожарский был лишь стольником.

С отступлением Ходкевича и окончательным объединением русских сил участь кремлевских «сидельцев» была решена. Они напрасно зывали о помощи: Ходкевич им помочь не мог. Еще два месяца продолжали они бессмысленное сопротивление, отвергая предложение Пожарского о сдаче. Насколько польские военачальники не понимали сути сложившейся ситуации, видно из их дерзкого ответа Пожарскому с советом распустить свою рать по домам: «Пусть мужик вернется к сохе, поп — к церкви, купец — на свой торг». Тем временем русские выкопали недалеко от Кремля глубокий ров, укрепили его, поставили у Пушечного двора батарею и повели обстрел кремлевского гарнизона. Доставлять в Кремль продовольствие, хотя бы эпизодически, как это делалось прежде, стало невозможно. У осажденных начался голод. Поляки поели кошек, собак, всю живность, варили кожаные переплеты книг. Они выпустили из Кремля жен, детей и других членов семей московских бояр, предварительно ограбив их. 22 октября 1612 г. начались переговоры о сдаче Китай-города, когда с другой стороны на штурм его устремились казаки. Ворвавшись в крепость, они наткнулись на чаны с засоленным человеческим мясом. Летописец специально оговаривает, что все это он видел собственными глазами. Поляки, пережившие осаду, также сами отмечают в своих записках многочисленные случаи людоедства и заготовления человеческого мяса впрок. 26 октября согласился капитулировать кремлевский гарнизон, выпустив сначала московских бояр. Полк Струся, вышедший в лагерь Трубецкого, вопреки договору был почти полностью истреблен казаками. Среди полка Будилы, сдавшего Пожарскому, также имелись убитые, но в значительно меньшем числе.

27 октября 1612 г. ополчение вступило в безмятежный Кремль с его опустошенными и оскверненными святынями. Русская столица была освобождена. Так закончился первый этап великого подвига русского народа во имя освобождения родины от интервентов и была заложена надежная основа для ведения дальнейшей освободительной борьбы, пока последняя неудача иноземцев под московскими стенами в 1618 г. не заставила их пойти на подписание Деулинского перемирия. Россия устояла.